
Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката

Лилия Шевцова

За революционной ломкой и выходом общества из авторитаризма либо тоталитаризма обязательно следует демократическая консолидация — таковы закономерности демократического транзита. Но Россия, в очередной раз опрокидывая научные схемы, после обвала коммунизма и трех революций Бориса Ельцина — смены государства, формы собственности и политического режима — возвращается к традиционализму, пусть и в иной политической форме. В «нормальных» переходных обществах после третьих выборов обычно можно говорить о закреплении демократического процесса. В России четвертые парламентские выборы 2003 года привели к победе монопольно-корпоративного начала. После десяти лет реформ Россия возвращается к состоянию, из которого так мучительно пыталась выйти в 1990-е. Некоторые знаковые фигуры, механизмы и силы, возникшие на ельцинском этапе, пока остаются на российской сцене. Но вырождение российской демократии уже не вызывает сомнений.

Было ли это вырождение закономерным, какова сущность нового политического режима и каковы последствия его формирования для России — вот те вопросы, над которыми я попытаюсь поразмышлять.

Новое как возврат к старому

Способ прихода к власти Владимира Путина — через его назначение преемником Ельцина, а затем легитимацию этого назначения посредством управляемых выборов — в известной степени определил судьбу российского демократического проекта. Назначение Путина на роль Стабилизатора возникшей в ельцинский период *реальности*¹ стало еще одним подтверждением избранного Кремлем консервативного вектора.

Путин-стабилизатор был вынужден искать пути «выравнивания» оставленного его предшественником ухабистого политического поля. Видимо, довольно скоро новый лидер осознал, что навести порядок на этом поле, продолжая ельцинский политический бартер, невозможно, и начал переходить к политике «приводного ремня», проще говоря, к опоре на жесткую субординацию и подчинение. Смена методов властвования означала, что Путин вместо сохранения ельцинского политического режима приступил к его демонтажу. Он начал перешивать ельцинский кафтан на свой рост и вкус.

Те шаги, которые Путин предпринял в период своего первого президентства — создание института наместников, подчинение Кремлю региональных силовых структур, усмирение олигархов и региональных баронов, ликвидация независимого телевидения, — стали фундаментом нового способа осуществления власти. Правда, в течение нескольких лет полностью перевести ельцинское *выборное самодержавие* в иную формулу властвования Путин так и не смог. Да это было и невозможно, пока власть основывалась на разделении полномочий между несколькими кланами («старосемейными» и «новосемейными»), а в обществе сохранялась потребность в состязательном плюрализме. Кроме того, не имея ни политического опыта, ни собственного кадрового резерва, ни философии власти, новый лидер вряд ли был готов продолжать политическую революцию. Он сумел создать свою административную «вертикаль», но при этом был вынужден терпеть и прежнюю властную конструкцию, управляемую старой правящей корпорацией, которая продолжала держать под контролем экономику и согласовывать интересы ведущих политических групп.

Во время первого срока Путин еще нащупывал свой способ государственного управления. Вначале он пытался играть роль лидера-Арбитра, который стоит над обществом и, сохраняя дистанцию, управляет политическими конфликтами. Следует признать, что возможности для роли Арбитра объективно сужались по мере ограничения свободной игры сил. Путин начал склоняться к иной модели лидерства; в отличие от Ельцина с его конфронтационным антикоммунизмом, он апеллировал ко всем политическим и социальным силам, включая и левых. Противоречивая символика, которую выбрал Путин для России (триколор, красное знамя, советский гимн и царский двуглавый орел), отражает эклектику раннепутинского правления и его стремление к новой форме объединения нации.

По мере завершения своего первого президентства Путин, очевидно, осознавал, что судьба его следующего правления зависит от того, сумеет ли он окончательно завершить ельцинский этап и избавиться от его атрибутов. В ельцинском политическом наследстве сохранялся потенциал для двух противоположных тенденций: к углублению состязательности и плюрализма, с одной стороны, и к усилению монопольно-корпоративной тенденции — с другой. Сам Борис Ельцин постоянно метался между своей укорененностью в прошлом и стремлением с ним разорвать; подчас последнее оказывалось довольно сильным. Так, поддерживая свободу СМИ и проявляя толерантность к общественной критике, Ельцин отказывался от прошлого. Президент Путин, внешне гораздо более современный политик, предпочел, тем не менее, возврат к привычному для России авторитарному способу властвования, который не допускает состязательности и критики верховной власти.

Что предопределило сворачивание демократического проекта в России и повлияло на содержание путинского режима — собственные воззре-

ния нового лидера, давление политического класса, потребности самой власти, деградация государственности или изменившиеся настроения общества?

Начнем с того, что возникшая в 1990-е годы в России гибридная власть не могла быть устойчивой, ибо опиралась на взаимоисключающие принципы. С одной стороны, власть оставалась персонифицированной и нерасчлененной, продолжая давнюю традицию Русской Власти². А с другой — персонифицированная власть формировалась и легитимировалась демократическим способом, коль скоро все остальные способы ее легитимации (посредством престолонаследия, силового давления, партийной идеологии) оказались исторически исчерпанными. Такая власть, разрываемая изнутри несовместимыми началами, принципиально нестабильна и в целях выживания постоянно ищет для себя новые формы воплощения, перетекая из одного режима в другой, но при этом не меняя своей сущности: она остается *самовоспроизводящейся корпоративностью, независимой от общества и ему неподотчетной*.

Неразвитость, а потому и неэффективность демократических институтов, возникших в России, неизбежно вела к общественному разочарованию и появлению тяги к «сильной руке»; все большее число людей разделяли надежду на то, что авторитарный лидер лучше гарантирует стабильность и порядок, чем разрываемые противоречивыми устремлениями демократические институты, в которых преобладают случайные и эгоистические интересы. Пока власть и общество не договорились о новом упорядочении власти, монопольно-корпоративная, авторитарная тенденция неизбежно стремится к тому, чтобы поглотить демократическое начало³. Развитие событий в годы первого путинского правления подтвердило, что политическое межумье, недоразвитую демократию нельзя законсервировать; ее можно или свернуть, или примириться с тем, что такое свертывание неизбежно⁴. Собственно, это было предопределено еще на этапе ельцинского правления, когда Кремль начал искать именно силовика, который мог бы гарантировать преемственность власти ельцинского клана (предшественники Путина в роли потенциальных наследников Ельцина — Примаков и Степашин — тоже были силовиками). Таким образом, правящая корпорация еще до Путина сделала ставку на авторитарное правление.

Допускаю, что некоторое значение имеет и сохраняющаяся цикличность любого переходного развития — когда революционный порыв затухает и возникает необходимость стабилизации достигнутого. Однако в российском случае было бы неверно преувеличивать значение этой цикличности. Ибо во время путинского правления мы имеем не закрепление ельцинских преобразований, а начавшийся откат к доельцинскому содержанию власти с перспективой движения к еще большему ограничению политической конкуренции.

Этот откат не произошел бы, если бы не соответствующее изменение общественных настроений. «...В последние годы мы видим, как сквозь новый, только формирующийся и пока очень тонкий политико-культурный слой прорастают архетипы российской культуры, как в своей традиционной (дореволюционной), так и в модернизационной (советской) форме», — писал Эдуард Баталов⁵. Разочарование в либеральной демократии активизировало попытки доказать уникальность России, а следовательно, ее якобы невосприимчивость к либеральному способу организации общества. Причем речь идет прежде всего о таких попытках в среде политического и интеллектуального класса, который в большей степени, чем само общество, оказался неспособным к жизнедеятельности в рамках либеральной культуры и начал активно готовить почву для нового отчуждения власти от общества.

Еще на завершающей стадии ельцинского правления стала очевидной неустойчивость властной конструкции, которую построил первый российский президент. Ельцинский метод сохранения власти за счет раздачи политических ресурсов и постоянного торга неизбежно подрывал основы и без того хлипкого государства и вполне мог привести к самоаннигиляции власти. Ельцинское выборное самодержавие нельзя было консолидировать в первую очередь из-за включения в него антагонистических принципов. Следовательно, рано или поздно нужно было перестраивать суррогатную власть и укреплять расплывшуюся государственную ткань. Признаем, однако, что деградация недоразвитых демократических институтов и использование их в своих интересах крупным бизнесом, так называемыми олигархами, а также популистскими силами (вспомним хотя бы постоянные войны между парламентом и президентом Ельциным) объективно осложняли выбор в пользу институциональной демократии и усиливали иллюзию, будто только укрепление исполнительной ветви может остановить распад государственности.

Напомню и другое: спрос на порядок и стабильность, который в 1999-м был намеренно разогрет самим Кремлем в период подготовки к избранию Путина президентом. Он также усилил монопольно-корпоративное начало в том режиме, который оформился в России в период правления Ельцина, и, главное, поддержку этого начала в обществе, уставшем от ельцинских встрясок. Словом, процесс воспроизводства власти закреплял не ответственность, а авторитаризм.

Кроме того, профессиональный опыт нового лидера, видимо, толкал его в сторону авторитаризма, который должен был казаться ему более устойчивой и простой в применении формой власти. Сама функция Стабилизатора, которая была поручена Путину ельцинской правящей корпорацией, также требовала от него как от преемника вполне определенного набора действий и соответствующей философии властвования. Так что ряд

структурных, ситуативных и социокультурных предпосылок сделали смелую ельцинскую выборную самодержавия неизбежной. Новый режим, который начал строить Путин, оказался, однако, формой возврата в прошлое, и сам этот возврат объективно сужал вариативность дальнейшего развития, толкая Россию все дальше в сторону традиционной власти.

От выборного самодержавия к бюрократическому авторитаризму

Подготовка к парламентским выборам и начатая в этом контексте антиолигархическая кампания летом — осенью 2003 года помогли Путину окончательно завершить ельцинскую эпоху. Декабрьские парламентские выборы стали средством формализации его собственного режима. Ельцинское *выборное самодержавие* уступило место *бюрократическо-авторитарному режиму*⁶.

Путин стал формировать способ правления, в котором спонтанная гибридность и корпоративно-олигархическое начало, возникшие при президенте Ельцине, уступили место более четкому порядку: власть, как и прежде, сосредотачивается в руках лидера, но он опирается уже не на олигархию, а на бюрократию и силовые структуры. Ельцинский режим выживал за счет децентрализации власти. Путин, напротив, рецентрализует власть. Ельцин правил, прибегая к постоянным кадровым перестановкам. Путин делает акцент на стабильность, предпочитая как можно реже менять команду. Ельцин, особенно в ранний период президентства, подозрительно относился к спецслужбам и силовым структурам. Путин сделал их одной из своих опор.

И при Ельцине, и при Путине в орбиту власти входят либералы-технократы. Но если в отдельные моменты при Ельцине технократы определяли стратегию развития, то при новом лидере они вытеснены на политическую периферию и играют вспомогательную роль.

Отмечу, впрочем, что Путин имел возможность выбрать форму для воплощения монополярной тенденции, и он (во всяком случае, пока) отказался от ельцинской семейно-клановой модели в пользу монополии бюрократии с силовой составляющей. Причина, видимо, не только в его антипатии к такой модели, но и в отсутствии в России почвы для закрепления семейной клановости: такая модель власти требует и соответствующей традиции, и более тоталитарного типа властвования. Впрочем, не исключено, что на каком-то этапе в России может возникнуть очередная правящая «семья» и традиция начнет формироваться. Опора персонифицированной власти на теневые механизмы и ее стремление гарантировать преемственность будут постоянно воспроизводить почву для «семейственности» — неважно, биологической или только политической, то есть для новых патримониальных режимов.

Несмотря на различия между двумя сроками президентства, правление Владимира Путина остается таким же персонифицированным, отделенным от общества. В очередной раз Русская Власть продемонстрировала способность к перевоплощению: взаимопроникновение властного и личностного при Путине даже усиливается, ибо он фактически ликвидировал независимых посредников между собой и обществом, которые существовали при Ельцине.

Бюрократическо-авторитарные режимы в мировой политической практике не редкость. Наиболее популярны (правда, с более сильной авторитарной тенденцией) они были в 1960—70-е годы в Латинской Америке. Все они решали задачу модернизации отсталых сырьевых экономик. Примечательно, что за исключением Чили практически все аналогичные режимы обвалились до того, как сумели выполнить свою миссию. Чилийский опыт продемонстрировал, что бюрократическо-авторитарный режим может выжить — и то лишь ограниченное время и при следующих условиях: готовность и способность власти к масштабным репрессиям, существование военной элиты, сплоченной, высокооплачиваемой и пользующейся авторитетом в обществе, а также эффективной, монолитной бюрократии; наконец, при наличии харизматического лидера. Отсутствие хотя бы одного из этих условий делает подобный режим неустойчивым и уж тем более неспособным к авторитарной модернизации. При коррумпированном государстве, фрагментированной элите, разобщенности силовых структур, отсутствии эффективных полицейских механизмов, которые обеспечивали бы лояльность общества, успех авторитарной модернизации маловероятен.

Конечно, использование понятия «бюрократическо-авторитарный режим» применительно к российской реальности является весьма условным и имеет преимущественно две цели: во-первых, ввести обсуждение характера российского политического режима в контекст мирового дискурса, в котором понятие «бюрократический авторитаризм» достаточно укоренилось; во-вторых, подчеркнуть своеобразие структуры нынешней российской власти, которая опирается на две составляющие: персонифицированную власть лидера и бюрократию. До сих пор большинство определений российского политического режима основывались на сопоставлении неразвитых демократий с развитыми («управляемая демократия», «электоральная демократия», «нелиберальная демократия», «имитационная демократия» и т. д.). Но эти термины не помогают описать особенности возникшей в последние годы российской политической реальности, а тем более различий между ельцинским и путинским режимами власти.

Российский случай пока трудно классифицировать как проявление неразвитой демократии прежде всего потому, что российское развитие явно идет не к демократизации, а в противоположную сторону. Но и по-

пытки определить российский режим власти как «полицейское государство» также упрощают картину: в России все еще сохраняются ограничители всевластия.

Более содержательным представляется осмысление политического режима, возникшего в годы правления Владимира Путина, в терминах соотношения между всевластием и институционализацией политики, то есть между традицией и ее преодолением.

Пока политологи ищут термины, новая политическая реальность постепенно приобретает более четкие очертания. В начале 2004-го можно было констатировать, что авторитарная роль лидера стала доминирующим элементом нового режима. Но не исключено, что по мере дальнейшей консолидации бюрократии ее влияние на лидерство усилится⁷. При сохранении персонификации власти единственной альтернативой опоры на аппарат является опора на свою «семейную корпорацию», но и эта корпорация будет зависеть от аппарата.

По иронии судьбы архитектором нового режима стала ельцинская команда. Причина этого в том, что прежний правящий клан и крупный бизнес, чье политическое влияние в 1990-е годы неслыханно возросло, были заинтересованы в установлении власти, которая бы обеспечила их безопасность и гарантировала статус-кво. Именно поэтому к власти был призван силовик Путин. Напрашивается вопрос: почему ельцинисты не попытались провести политическую стерилизацию при Ельцине, а начали ее при Путине? Очевидно, первый российский президент не был готов к дальнейшему свертыванию даже той неразвитой демократии, которая возникла при его правлении. Путин, напротив, оказался лидером, внутренне расположенным к рецентрализации власти. Но еще более существенно то, что российское общество при новом лидере стало восприимчиво к подобной «смене ветров».

Немалую роль в создании конструкции, в которой Кремль манипулирует всей системой власти, сыграли либералы-технократы (вспомним хотя бы роль Альфреда Коха в уничтожении независимого телевидения). Управляемая система устраивает технократов, которые, как показывает опыт других переходных обществ, предпочитают не играть самостоятельную роль и существовать в тени авторитарного режима.

Как бы то ни было, замысел кремлевских манипуляторов был очевиден: свобода действий для себя, управляемость для всех остальных, и Путин в роли их наместника. Но созданный ельцинистами каток рано или поздно должен был пройти по всем, кто так или иначе ограничивал власть нового лидера, — таков закон персонифицированной власти, для которой самоубийственно делиться ресурсами. Между тем лидерство Путина в первую очередь ограничивали его «крестные отцы», и их судьба была предопределена развитием режима.

С неопределенностью покончено

До недавнего времени российская власть выживала за счет сохранения аморфности, возможности одновременно двигаться в разных направлениях. Эклектичность была фоном и одновременно способом осуществления ельцинского лидерства. Благодаря совмещению противоположных устремлений и тенденций Ельцин сумел преодолеть угрозу опасного раскола общества в момент антикоммунистического поворота и удерживать в орбите своего режима как старорежимные силы (компартия), так и новорежимные, антикоммунистические. В то же время такой гибрид отнюдь не способствовал продвижению либеральных реформ, для которых необходимы полный разрыв с прошлым и формирование политики и власти как Системы, то есть как совокупности независимых институтов, подотчетных гражданскому обществу.

Отказываясь от ельцинского межеумья, президент Путин шел от многовекторности к определенности. Поздний Путин, в отличие от раннего, уже не может сидеть на разъезжающихся стульях: логика политического отката и воспроизводства власти в этих условиях требует от него большей однозначности. При этом Путин — политик, который предпочитает выжидать, по возможности избегая решительных действий и конфликтов. До сих пор удержание власти не требовало от него масштабного применения силы. Для вытеснения из России олигархов Березовского и Гусинского, ареста Ходорковского, ликвидации независимого телевидения Путину хватило точечных, селективных мер. Движение в сторону авторитаризма происходит в России в том числе и помимо президента — за счет стремления политической элиты «быть большим католиком, чем Папа Римский». Под напором сторонников «твердой руки» Путин, несмотря на свою нерешительность, может пойти в этом направлении дальше, чем хотел бы. В любом случае невозможность отступить без риска показаться слабым диктует жесткую модель поведения.

Возможно, не желая того, Путин становится лидером консолидированнейшей бюрократии, поскольку именно он помог ей вернуть себе прежнюю роль. При этом сам президент, по-видимому, понимает деструктивную роль чиновничества: в своих ранних посланиях Федеральному собранию он атаковал аппарат и призывал к административной реформе и борьбе с коррупцией. Но для формирования новой базы у него был ограниченный выбор: крупный бизнес, бюрократия (и ее силовая составляющая), либералы-технократы и общество.

Путин вряд ли может доверять *крупному бизнесу*. Олигархи уже побывали у власти (их представитель Владимир Потанин даже поработал вице-премьером) и проявили склонность к ее приватизации, активно используя власть в своих интересах; для персонифицированного же лидерства это недопустимо. Президент так и не смог разглядеть конструктивную роль

крупного бизнеса, которая начала просматриваться в повороте Ходорковского к большей открытости и независимости от аппарата⁸. Путин не ощутил, что высвобождение бизнеса из объятий бюрократии давало огромный шанс верховной власти: она тоже получала возможность выйти из-под влияния аппарата. Президент реагировал как типичный держатель монополии на власть: он доказал, что российское персонифицированное всевластие заинтересовано не в отделении бизнеса от власти, а в их слиянии.

Напуганный антиолигархической кампанией лета — осени 2003-го, бизнес присмирел и устраивает Путину нескончаемые овации. В то же время лоббистские механизмы, которые созданы в органах власти, продолжают действовать, продвигая, пусть и более осторожно, интересы крупнейших компаний. Как и прежде, слияние бюрократии и бизнеса создает условия для коррупции: разве что после того как чиновник вернул себе главенствующее положение, размер взяток существенно увеличился.

Более того, несмотря на кажущуюся лояльность бизнеса, конфликт между ним и властью не исчерпан. При столкновении с трудными для него проблемами государство всякий раз будет испытывать искушение вновь сделать крупный бизнес козлом отпущения. В свою очередь крупные предприниматели будут пытаться находить лазейки и приватизировать административный ресурс.

От разрешения конфликта между властью и бизнесом зависит и то, сможет ли Путин наконец перевернуть еще одну страницу в развитии России, которое постоянно шло от одного предела собственности к другому⁹. Сегодня страна подошла к тому моменту, когда, собственно, делить нечего: исчерпался ресурс перераспределения¹⁰. Но для того чтобы легитимировать частную собственность и приватизацию 1990-х, президенту нужно разъединить власть и собственность, то есть ослабить давление аппарата на бизнес и усилить регулирующую роль права и судебной системы. Отказ от жизни «по понятиям» мог бы стать одной из самых важных системных революций Путина. Но такая революция возможна лишь при готовности правящего класса и лидера трансформировать персонифицированную власть. Пока же движение идет в ином направлении, а следовательно, сохраняется угроза нового предела в России.

В свою очередь *технократы*, не имеющие опоры в обществе, как уже говорилось, при всех режимах оказываются послушным инструментом власти, даже если им доверено определять стратегию развития. В свое время внимание Ельцина к молодым технократам было вполне обоснованно: лидер-одиночка пытался найти корпорацию, которая была бы полностью зависима от президента, поскольку ее интересы не были связаны ни с одной крупной силой. Ту же самую потребность, видимо, ощущает и Путин. Либерал-технократы и прагматики в путинском окружении (Кудрин, Греф, Козак, Медведев) останутся проводниками либерального прагматизма в

политике Кремля. Но в новых условиях они будут менее влиятельны, чем технократы при Ельцине и раннем Путине, ибо им придется функционировать в мощном бюрократическом окружении, в отсутствие либерального давления извне.

Что же касается самого *общества*, оно не структурировано, и вряд ли Путин рассматривает его как реальную силу. Силовик-бюрократ, каким является нынешний президент, относится к обществу с естественным недоверием. Для лидера, который своей функцией считает стабилизацию и модернизацию сверху, только госаппарат мог стать реальной опорой. Неизбежный в таком случае рост коррупции Путин, видимо, считает меньшим злом по сравнению со стихийностью и неуправляемостью.

Едва ли президент отдаст власть силовикам — он ведь не самоубийца! Путин использует силовиков в качестве опричнины, то есть как орудие для выкорчевывания либо устрашения противников. Однако, сделав ставку на бюрократию, президент должен осознавать, что аппарат всегда стремится ограничить свободу маневра лидера и подчинить его своим собственным интересам и почти всегда в этом преуспевает. И тем не менее, пока Путин имеет стабильно высокий рейтинг, он вряд ли станет заложником силовых структур. Однако, для того чтобы избежать подобной участи, ему нужно держать их в подвешенном состоянии, как это делал Ельцин, и быть готовым отказаться от услуг слишком амбициозных силовиков (так Ельцин поступил с Коржаковым и Лебедем).

На сегодняшний день силовики не являются замкнутой корпорацией, члены которой связаны прочной групповой лояльностью. Немало представителей силовых структур выбрали «олигархический лагерь» и работают в сфере бизнеса. Кроме того, эффективным средством ослабления репрессивного механизма оказывается коррупция. Важно и то, что основой для ужесточения режима являются не только силовые структуры. Технократы также заинтересованы в «железной руке», которая обеспечивала бы им свободу действий.

Замечу, что складывающийся у нас на глазах новый режим — это уже не «управляемая демократия». Этот режим сужает возможность демократической имитации. В новых обстоятельствах попытка имитации обречена на полное неправдоподобие и превращается в откровенную карикатуру. Нынешняя Дума без либерально-демократического фланга, но с мощным национал-популистским крылом — наглядное свидетельство эволюции российской власти в направлении бюрократического реванша, и ее уже не прикроют прежними декорациями. Впрочем, в произошедшей эволюции есть и позитивное начало. Дело в том, что ельцинская и раннепутинская имитация демократии затушевывала сущность власти, которая подчас производила впечатление либеральной и прозападной. Большая однозначность нового режима создает возможность для нового самоопре-

деления оппозиции — если не сейчас, то в будущем. Однако пока неясно, какая оппозиция оформится раньше — либерально-демократическая, чьим требованием станут решительный разрыв с прошлым и проведение системных реформ, или державно-популистская, которая начнет борьбу за более активный рванш. Во всяком случае, сохраняется возможность превратить поражение либеральных демократов на парламентских выборах в фактор возрождения либеральной демократии, что вряд ли произошло бы, продолжай они свою активность в виде демократической декорации.

Что движет новой властью?

Новую динамику власти будут в решающей степени определять несколько факторов, которые приобретают роль системных детерминант: *ответственность, легитимность, субъектность, воспроизводство власти*.

Начнем с *ответственности*. Внешне Путин выиграл, решившись на самостоятельное плавание. Он будет менее зависим от прежних правящих групп. У него больше нет противников и конкурентов. Он — полновластный хозяин Кремля и больше никому ничем не обязан. Но, усилив свой контроль за государством, отныне он, и только он будет ответствен за Россию. Теперь он никого не сможет обвинять в своих неудачах. Между тем, чем больше ответственность, тем больше угроза потери доверия и поддержки в обществе в случае провалов и ошибок. А это уже прямой путь к подрыву позиций лидерства, коль скоро его важнейшей опорой является рейтинг поддержки, который основан на доверии и надеждах. Не оправдает президент возложенных на него надежд — считай всё: начнется закат лидерства и поиск нового кандидата на роль персонифицированной власти. Если же Путин попытается свалить ответственность на правительство и парламент, то тем самым станет подрывать собственный режим, поскольку все институты являются в той или иной степени продолжением президентской власти.

Словом, Путин, как и любой другой российский правитель, который действует в рамках персонифицированной власти, будет постоянно стремиться к тому, чтобы сделать полномочия максимальными, а ответственность — минимальной. Но в условиях, когда президентство подменило собой политическую систему, лидер будет вынужден стать олицетворением безответственности.

Что касается *легитимности* власти, то, пока в России сохраняются ограничения на применение силы, единственным источником формирования российской власти оказываются выборы. Использование откровенных манипуляций в организации и проведении выборов, таким образом, подрывает ее легитимацию, которую ничем другим уже не компенсируешь.

Неожиданно для себя власть столкнулась с проблемой делегитимации в преддверии президентских выборов в марте 2004-го, когда возникла

опасность, что Путин будет бороться за кремлевский престол с гробовщиком Стерлиговым и начальником охраны Жириновского и выборы тем самым превратятся в фарс. Осознав степень угрозы, Кремль предпринял усилия, с тем чтобы создать целый «пул» кандидатов на президентский пост, включив туда и претендентов с оппозиционным имиджем. Но урон власти был нанесен, и Путин вступил в борьбу за новое президентство в ситуации, когда выборная процедура оказалась скомпрометирована, но при этом власть не готова защитить себя силовыми средствами.

Опора президента на исполнительную «вертикаль» с самого начала закладывала под его режим бомбу замедленного действия, поскольку неизбежно вступала в противоречие с выборной состязательностью как способом формирования власти. Это довольно частый в мировой практике случай, когда власть во имя самосохранения вынуждена разрушать собственную легитимацию. Представителям власти может казаться, что, усиливая контроль за выборами, они стабилизируют и укрепляют власть. На самом деле они лишь приближают ее разрушение. Михаил Горбачёв в свое время тоже использовал выборы для того, чтобы, как ему казалось, придать динамизм советской системе. Между тем он закладывал взрывчатку под ее несущую конструкцию, каковой была партийная монополия. Усиление административного, монопольного начала в российской власти, что приводит к попыткам управлять выборами и соответственно делегитимирует эту власть, – пример той же логики «непредвиденных результатов».

Напрашивается вопрос: что произойдет, когда в глазах общества выборы перестанут быть формой легитимации власти, — обвал этой власти, попытка политического класса ее реформировать и разрыв с российскими политическими традициями либо еще одна попытка реинкарнации личной власти, на сей раз через отказ от игры в выборы? Эти проблемы пока остаются открытыми. Но о них стоит начать размышлять, ибо перевоплощение Русской Власти в виде путинского режима является явлением временным и внутренне противоречивым.

С ограничением легитимности нового режима связана и проблема *субъектности* власти. Эта власть остается, по определению Андрея Фурсова и Юрия Пивоварова, моносубъектом ¹¹, который вытесняет со сцены все политические субъекты либо превращает их в свои придатки. Но важно отметить и то, что этот моносубъект является таковым лишь постольку, поскольку все остальные силы и акторы слабы и безответственны. Между тем и сам моносубъект также оказывается ущербным, так как у него мало ресурсов для достижения своих целей репрессивными методами и недостаточно либеральной легитимации для того, чтобы добиваться их демократическим путем. Поэтому вряд ли правы те аналитики, которые проявляют оптимизм по поводу восстановления субъектности власти и государства. Дело в том, что в нашем случае речь идет о субъектности выживания,

а не развития. Поэтому власть группируется и демонстрирует свою субъектность в моменты опасности, применяя методы устрашения, — например, выдавливая строптивых олигархов из страны либо засаживая их за решетку. Однако этой субъектности не хватает для того, чтобы гарантировать режиму безопасность и уж тем более чтобы обеспечить реальную, а не имитационную модернизацию общества.

Еще одним фактором, который определит будущее Российского государства и страны в целом, является процесс *воспроизводства* власти. В 1999 году, когда готовилась передача власти Путину, Кремль подвел Россию к черте, за которой были возможны и полная неуправляемость, и переход к диктатуре (в разной последовательности). В этой связи возникает вопрос: каким образом Кремль на сей раз собирается гарантировать воспроизводство власти, если либеральная демократия как способ упорядочивания общества отвергнута, а мягкий авторитаризм может оказаться недостаточным для обеспечения преемственности? Означает ли это, что власть будет вынуждена пойти на ужесточение авторитаризма и даже перейти к откровенной диктатуре и полному отказу от остатков свободы? При нынешней деморализации политического класса и бизнеса, фрагментарности общества такая попытка временно может оказаться успешной. Но рано или поздно станет ясно, что ужесточение режима не решит проблемы стабильности и модернизации. И в очередной раз возникнет потребность в выходе из тупика. Не исключено, что России предстоит пройти весь этот круг — из стагнации в новую диктатуру, а затем через выход из нее к окончательному избавлению от надежд, связанных с традиционным государством.

Бессилие всевластия

Любое единовластие, однако, имеет свои ограничители. Так, закономерностью всех вертикально отстроенных режимов, которые опираются на внешнее послушание, лояльность и субординацию, является постепенное сужение их социальной базы, особенно если эти режимы не обладают существенной полицейской мощью. Где гарантия, что, почувствовав в какой-то момент слабость Путина, ельцинская «семья» либо другие недовольные не попытаются объединиться против него? В рамках персонифицированной власти лояльность политического и экономического класса всегда обеспечивалась либо страхом, либо задабриванием. Если президент не сможет поддерживать атмосферу устрашения, сервильная элита и кремлевская обслуга немедленно переметнутся к новому претенденту на власть, который продемонстрирует больший силовой потенциал или более щедрую компенсацию лояльности.

Президент вынужден вытягивать на своем рейтинге огромную, неповоротливую массу бюрократии, окопавшуюся в органах исполнительной власти, нашедшую пристанище в «Единой России» и куче других создан-

ных Кремлем организациях-прилипалах. Все эти искусственные конструкции не только не расширяют базу лидерства, но и, напротив, обесценивают президента, паразитируя на его популярности.

Все больше возвышаясь над обществом, путинская «вертикаль» теряет связь с действительностью, что может привести к принятию неадекватных решений. При этом сам лидер, раз начав, уже не может остановиться и продолжает ослаблять все остальные институты и силы, рассматривая любой намек на самостоятельность и политические амбиции как проявление враждебности. Усмирение политического поля и превращение его в пустыню повышает риск непредсказуемых инициатив и движений за пределами поля, что, в свою очередь, несет в себе угрозу стабильности.

На парламентских выборах Кремль довольно ловко канализировал социальное недовольство в антиолигархическом направлении, разбудив дремавшие в обществе националистические и популистские настроения. Таким образом, протестный потенциал был использован против части ельцинского наследия, какой является олигархия. Но может наступить момент, когда протестные настроения окажутся направлены против Путина, тем более что теперь именно он обладает всей полнотой власти. Впрочем, поддерживаемые Кремлем ЛДПР и «Родина» своей риторикой уже начали подрывать путинский курс прозападного рыночного либерализма. Для их сторонников Путин слишком мягок, чересчур либерален и недостаточно «державен». Возвращенные самой властью национал-популисты рано или поздно могут осмелеть и начать атаку на путинское правительство, особенно если оно продолжит политику рыночных реформ и диалога с Западом. В любом случае исполнительной власти будет сложно управлять наспех сколоченным в Думе прокремлевским большинством, в котором проявляются и враждебные самому Путину тенденции.

Основная проблема, с которой придется столкнуться президенту, имеет все же структурные корни. Дело в том, что вынесенный над общественной структурой лидер, даже имеющий огромные полномочия, не в состоянии полностью подчинить себе властную конструкцию и заставить ее работать на свою миссию. Авторитарный ресурс, который находится в его распоряжении, уже не справляется с выполнением собственных функций: силовые ведомства и чиновничество работают не на миссию лидера; они исходят прежде всего из удовлетворения собственных, а не национальных интересов. Кроме того, общество, привыкшее выживать, уйдя в тень и перестав полностью зависеть от государства, едва ли могло бы стать послушным объектом для модернизационных усилий лидера. Но даже если предположить, что авторитарный ресурс удастся консолидировать, то и в этом случае Путин вряд ли сможет претендовать на роль Пиночета либо Пак Джон Хи, осуществившего южнокорейскую модернизацию. Авторитарным усилием можно вытянуть аграрную страну в эпоху индустриализации. Но

Россия стоит перед иными, постиндустриальными вызовами, для ответа на которые необходимо реформировать традиционное государство и обратиться к внутренним ресурсам общества. Поэтому рано или поздно Кремлю придется столкнуться с ситуацией, когда путинская власть будет препятствовать реальной модернизации, которая требует формирования конкурентной среды, а не поддержания статус-кво.

Все это говорит о том, что всевластие, которое сегодня оформилось в России, на поверку оказывается весьма слабым и даже бессильным. Его достаточно для самосохранения и даже для воспроизводства власти. Но сама формула всевластия является препятствием для строительства новой России и утверждения нового типа государства как институционального выразителя совокупной воли российского общества, а не узкой группы случайных обитателей Кремля.

Был ли у Путина шанс пойти другим путем?

Путин был прав, пытаясь найти выход из ельцинского олигархического капитализма¹². Правда, у него было два варианта: перейти к бюрократическому капитализму и окончательно развязать руки аппарату либо начинать ликвидацию Русской Власти и строить конкурентный, состязательный капитализм с опорой на гражданское общество. Путин выбрал первый вариант. Мог ли президент избрать второй? Для этого нужно было, как минимум, следующее: давление общества снизу с требованиями системных реформ, готовность к трансформации по крайней мере части политического и экономического класса, наличие влиятельной либерально-демократической оппозиции, которая могла бы предложить концепцию и обоснование радикальных реформ. Были ли эти предпосылки в наличии? Ответ однозначен: таких предпосылок не было.

Добавим к этому и неблагоприятную для российской трансформации международную атмосферу: Запад сегодня больше заинтересован в стабильной, пусть и авторитарной России. После разочарований в российских реформах Запад перестал быть для России фактором трансформационного влияния. Стратегическое партнерство России с западными странами, провозглашенное Путиным, так и не принесло ни России, ни западному сообществу ощутимых результатов, которые бы создали основу для устойчивого сближения.

Словом, в условиях, когда отсутствуют и внутренние, и внешние предпосылки системной трансформации, идти на разгерметизацию Русской Власти означало для Путина риск сломать себе шею. Но подчеркнем и другое: зашкаливающий рейтинг поддержки и отсутствие сильных противников позволяли ему размышлять о Миссии и пытаться формировать предпосылки для будущей трансформации. Эту возможность он проигнорировал и предпочел не искушать судьбу и остаться в привычном русле. Более

того, Путин усилил традиционализм, начав восстанавливать обвалившееся при Ельцине государство привычного русского типа, то есть стоящее над обществом.

Что нас ожидает в ближайшем будущем?

В ближайшей перспективе России вряд ли угрожают серьезные потрясения. Бизнес какое-то время будет стараться не раздражать власть и следовать определенным Кремлем правилам, то есть не вмешиваться в политику. Региональные начальники присмирели. Либералы-технократы, несомненно, встроятся в новый режим. Демократическое меньшинство вряд ли будет досаждать власти: у него нет для этого ни куража, ни возможностей. Тем более что поле публичной политики неумолимо сужается и продемонстрировать оппозиционность будет очень сложно. Что касается коммунистов, то они деморализованы и вряд ли опять поднимут голову. Общество станет поддерживать президента как меньшее зло, особенно если люди будут периодически получать прибавки к зарплатам и пенсиям. Контроль государства над телевидением и другими средствами массовой информации поможет создать картину спокойствия и благополучия в стране независимо от истинного положения дел. После победы на президентских выборах в марте 2004 года Путин, несомненно, заявит новую реформаторскую повестку дня, в которой постарается акцентировать свое западничество и рыночную ориентацию. Команда технократов, представленная в новом правительстве, станет осуществлять путинский реформаторский курс.

Проблема, однако, в том, что бюрократическо-авторитарный режим по самой своей сути не готов ни к поддержанию прозападной внешнеполитической линии, ни к последовательным экономическим реформам. Для того чтобы закрепить западничество во внешней политике, необходим не только консенсус общества относительно российских национально-государственных интересов, но и формирование новой команды, которая была бы готова на интеграцию с Западом и сближение ценностных ориентиров России и западного сообщества. Между тем сегодня Россия развернулась в противоположном направлении, а потому усиление взаимной подозрительности в отношениях между Россией и Западом неизбежно.

Что касается экономических инициатив президента, то коррумпированная бюрократия, закрепившаяся на ключевых высотах, обязательно будет оказывать им противодействие. Кроме того, сама власть породила новых потенциальных противников путинского курса — национал-популистов. Речь не идет о том, что лично Сергей Глазьев и Дмитрий Rogozin превратятся в опасных соперников Путина. Дело в созданном самим Кремлем запросе на державническую диктатуру с левым уклоном, который отныне получил возможность для развития. Российская политика может све-

стись к столкновению рыночного авторитаризма и национал-популизма, собственно, правого и левого традиционализма, и это грозит стране разрушительными последствиями.

В любом случае с формированием бюрократическо-авторитарного режима возможность для либерально-демократического вектора в России катастрофически сузилась. Это не может не ограничивать и поле деятельности президента, в частности, лишая его центристской опоры, которая может существовать только при наличии двух флангов.

Впрочем, внутри кремлевской команды, видимо, есть смутное осознание того, что для приличия в публичной политике нужны либералы и демократы — но свои, «вменяемые». Поэтому нельзя полностью исключить, что Кремль попытается создать сверху либерально-демократическое движение и таким образом восстановить равновесие — или его видимость — на российской сцене. Однако очередная имитация в конечном итоге не сможет дать власти механизм, который бы создавал реальные реформаторские импульсы.

Будущая траектория России зависит от того, сумеет ли восстановиться снизу настоящий, а не имитационный либерально-демократический фланг. Это возможно в случае, если «Яблоко» и СПС откажутся от своей прежней двойственной роли — быть в оппозиции и одновременно во власти (СПС) либо быть в оппозиции системе, но не лидеру («Яблоко»). Словом, все зависит от того, смогут ли — и когда? — либералы и демократы консолидироваться как альтернатива власти. Президентские выборы теоретически давали шанс использовать еще сохраняющееся поле публичной политики для становления такой альтернативы. К сожалению, предвыборная кампания начала 2004-го говорит о том, что процесс возрождения либерал-демократического движения затянется. Не исключено, что он потребует и новых политиков, и сил, но прежде всего — нового общественного подъема.

Возникает впечатление, что в ближайшее время нас, скорее всего, ожидает своего рода постсоветский брежневизм. В свое время за брежневизмом последовали горбачёвская перестройка и демократическое оживление. Что последует за нынешним откатом, пока не ясно. Наступившее стагнирование вскоре может оказаться очередной иллюзией. Моносубъектность, как говорилось выше, всегда неустойчива, особенно когда не обладает достаточной мощью и покоится на виртуальных опорах, — президентский рейтинг из их числа.

В России в очередной раз возникла ситуация, когда лидер является единственной политической силой и институтом одновременно. Но при этом он все больше оказывается заложником собственного политического режима. Теперь, даже если Путин и осознёт тупиковость начатого им движения, остановить его будет очень сложно: движение это приобрело инерцию и обросло группами поддержки.

Учтем и то, что Путину придется решать — возможно, он решает сейчас, а может, уже решил? — экзистенциальный вопрос: *быть или не быть*, то есть пытаться остаться на третий срок либо уйти в 2008 году? Этот выбор должен быть сделан в самое ближайшее время. Сразу после президентских выборов—2004 Путину нужно оформлять основу нового правления, и, если он собирается баллотироваться в третий раз, то уже сейчас следует создавать команду, которая будет готовить конституционный переворот. Если же президент решает покинуть Кремль, значит, надо назначать премьера, который станет его преемником. В любом случае у Путина будет мало времени для реформ: воспроизводство власти вскоре станет основным занятием и президента, и политических элит. Так функционирует российская власть: все силы для самого важного дела.

Что решит Путин? Учтем важный психологический фактор, который может приобрести политическую значимость. Есть лидеры, которые всегда стремились к власти и мастерски овладели механизмом ее достижения. Для них власть — содержание их жизни, существования вне власти они для себя не мыслят. Ельцин был таким «политическим существом». Но Путин — человек из другой категории. Это первый российский лидер, который не прошел «инкубационный период»; он стал верховным правителем, минуя фазу борьбы с конкурентами. Ему пришлось только осваивать механизм удержания власти, однако это была несложная задача, поскольку у него не было реальных противников. Коль скоро он не боролся за президентское кресло, теоретически ему будет легче уступить его — в этом новизна феномена Путина. Если, конечно, за время его правления не случится кризис либо нечто иное непоправимое, когда отдавать власть будет просто опасно — для него самого или его окружения. Пока ситуация развивается таким образом, что Путин может не опасаться завершать свою кремлевскую карьеру. Но он должен твердо знать, что последует за его уходом с позиции Верховного Лидера. При новом правителе он может оказаться «мальчиком для битья», поскольку тому нужно будет создавать собственную легитимность. И легче всего это сделать путем разгрома предшествующего режима.

Впрочем, все режимы личной власти выживают и укрепляют себя за счет отрицания прошлого. Именно поэтому власть, которая основывается на институтах и противовесах, гораздо стабильнее и, кстати, безопаснее для своих лидеров: им не нужно вычеркивать своих предшественников и опасаться преемников. И, что не менее важно, они могут вернуться к власти легитимным путем — снова приняв участие в выборах. В рамках русской персонифицированной власти лидер, чтобы выжить, должен постоянно создавать вокруг себя политическую пустыню. Но в этой пустыне неизбежно появление нового «диалектика», который начнет очередное отрицание. Логика персонифицированной власти такова, что чем дольше

лидер остается у власти, тем более жестко будет выкорчевываться режим, «засидевшийся» в Кремле. Особенно если он станет оказывать сопротивление. Владимир Путин имел возможность, по крайней мере, попытаться изменить эту логику наследования кремлевского престола. Он не сумел, не захотел, и теперь ему самому рано или поздно придется испытать на себе законы воспроизводства Русской Власти.

Российский театр абсурда продолжается. Этот абсурд заключается в том, что политический класс, не совладав с демократией, двинулся вспять, надеясь, что, оживив советскую режимность, он сумеет сохранить власть. Но тем самым российская элита возвращает к жизни силы, которые, провозгласив себя защитниками «бедных и русских», могут смести не только остатки реформаторского проекта 1990-х годов, но и нынешний политический класс и его интеллектуальное сопровождение, так и не научившиеся жить в атмосфере состязательности и свобод.

Примечания

- ¹ Я намеренно не называю российскую политическую реальность «системой», так как совокупность структур и процедур, которые функционируют на основе противоречивых принципов и опираются только на один полноценный институт — президентство, трудно воспринимать как Систему. Возникший в период правления Бориса Ельцина режим власти является «внесистемным» именно потому, что политика и власть как система в России пока не сформировались и власть оказывается вынесенной над обществом и обществу неподконтрольной. Но если при раннем Ельцине еще можно было выявить некоторую системность в виде относительно самостоятельного парламента, относительно независимого общества и ряда независимых партий, то при Путине даже эти элементы системности исчезают. О «внесистемном режиме» см.: *Клямкин И., Шевцова Л.* Внесистемный режим Бориса Второго: Некоторые особенности политического развития постсоветской России. М.: Московский центр Карнеги, 1999.
- ² Понятие «Русская Власть» означает персонифицированную власть, которая воспроизводилась в России столетиями; термин был введен Юрием Пивоваровым. См.: *Пивоваров Ю.* Русская политическая культура и *political culture* // *Pro et Contra*, лето 2002.
- ³ *Клямкин И., Шевцова Л.* Указ. соч.
- ⁴ В процессе российской модернизации после разгерметизации власти и оживления в низах неизменно следует восстановление контроля над властью и обществом за счет применения более жестких, порой откровенно репрессивных мер, которое сопровождается возвращением к традиционализму (обычно не во всех сферах, а прежде всего в отношениях между властью и обществом). Вспомним реформы Александра Второго и стабилизацию Александра Третьего, который прибег к полицейским мерам упорядочения общества.
- ⁵ *Баталов Э.* Политическая культура России сквозь призму *civic culture* // *Pro et Contra*, лето 2002. С. 17.
- ⁶ *Shevtsova L.* From Yeltsin to Putin: The Evolution of Presidential Power // *Gorbachev, Yeltsin, Putin: Political Leadership in Russia's Transition*. Wash.: Carnegie Endowment for International Peace, 2001.
- ⁷ Сегодня не приходится говорить об «унии» между лидером и народом сталинского образца. Согласно рейтингам Путина, только 15 проц. опрошенных поддерживают его без оговорок. Лидер «надежды» (термин Юрия Левады), каким является Путин, в

любой момент может потерять общественную поддержку. Что касается бюрократии, то она имеет свое партийное выражение в виде «Единой России», является основной опорой путинского лидерства и в силу отсутствия других независимых сил ее влияние на Путина будет неизбежно расти.

⁸ О влиянии истории с Ходорковским на российское развитие см.: *Власть и бизнес*: Лето 2003. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003.

⁹ *Hellman J. Russia's Transition to a Market Economy: A Permanent Redistribution? // Russia After The Fall*. Wash.: Carnegie Endowment For International Peace, 2002.

¹⁰ *Пивоваров Ю.* Указ соч.

¹¹ Ряд авторов определяют ее как моноцентризм, что, впрочем, одно и то же. См.: *Бунин И., Зудин А., Макаренко Б., Макаркин А.* Летний этап избирательной кампании: крах блицкрига // www.politcom.ru

¹² Григорий Явлинский, по-моему, дал наиболее точную характеристику этого типа капитализма как «периферийного». Вводя это определение применительно к капитализму, возникшему в России в ельцинский период, Явлинский обращает внимание, с одной стороны, на отсутствие в стране гражданского общества и присущих ему институтов, а с другой — отсутствие самодостаточности, высокую зависимость российской экономики от мирового капитализма. См.: *Явлинский Г.* Периферийный капитализм. М.: ЭПИцентр, 2003.